

Пятилетова Людмила Владимировна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург
lyuda.p73@yandex.ru

Савина Виктория Михайловна,

студентка 1-го курса факультета экономики и управления ФГБОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург

Возраст цивилизации: к вопросу о переоценке культурологической концепции Освальда Шпенглера

Аннотация. В статье раскрываются ключевые идеи культурологической концепции О. Шпенглера, изложенной им в его основной работе «Закат Европы», а также оценка этих идей в «западной» и русской культуре: глубина и масштаб концепции О. Шпенглера измеряются в том числе как некоторым недопониманием идей, так и полярной неоднозначностью их оценок. В статье сделана попытка «взвешенной переоценки» концепции О. Шпенглера: попытка аутентичного осмысления идей мыслителя с учетом обнаруженных им «очевидностей» культуры (множественность и равноценность культур; цивилизация как органичный, закономерный этап развития (западной) культуры).

Ключевые слова: культура, цивилизация, душа, Шпенглер, Закат Европы.

Раздел: (04) филология; искусствоведение; культурология.

В каждой культуре есть слой очевидностей и слой усилий, которые от этих очевидностей отталкиваются. Очевидности – необходимое условие усилий. Шпенглер... был одним из тех, кто сделал слой очевидностей европейской культуры более плодотворными... Но чтобы новые формы могли возникнуть, оказалось необходимым нечто куда большее, чем умозрение. «Оптика» этого рода – структура глаза, а не очки, которые можно надеть и снять. Ее изменения всегда болезненны, поскольку происходят в самом видящем органе и даже во всем несущем его организме.

О. Балла

«Закат Европы» Освальда Шпенглера – книга, ставшая для (современного) западного человека «знаковой», смыслы которой остаются во многом не до конца «освоенными», понятыми, принятыми и потому – некомфортными, до сих пор (по инерции европейского сознания) отвергаемыми. Двигаясь от идеи к идее, попробуем аутентично увидеть глубинные смыслы концептуальных построений «фактов» (О. Шпенглер) «Заката Европы», тем самым предприняв попытку (интеллектуальной и эмоциональной) переоценки идей О. Шпенглера на основе аутентичного проникновения в тело концепции.

История представляется О. Шпенглеру как некое протяженное во времени поле со вспыхивающими в разных местах, разгорающимися и угасающими кострами культурных миров. Эти миры абсолютно самостоятельны, следовательно, герметичны – непроницаемы друг для друга.

Может ли одна культура передать свое внутреннее содержание другой культуре? О. Шпенглера категоричен в своем ответе: взаимообмен, взаимообогащение культурными смыслами абсолютно исключено. Попробуем рассмотреть это более подробно на примере античного мифа о Прометее и, одновременно, на оценке этого мифа видным современным отечественным исследователем культуры П. С. Гуревичем.

Подробно и достоверно перелагая миф о Прометее, исследователь пишет: «Естественно, каждый истолковывал этот образ по-своему и в соответствии со своим временем. Однако главные черты этого образа, неизменные в любом изображении, стали общим «достоянием человечества»... Прометей стал подлинным «творцом человека» по меньшей мере в том смысле, что вывел его из природного первобытного состояния и воспитал в нем разумное существо... Прометей достиг свободы – с помощью человека и в примирении с Зевсом. Прометей не поступился своей гордостью и своими целями, хотя ради этого ему пришлось перенести столько страданий...» [1, с. 11–14].

Кроме «общекультурного истолкования» мифа о Прометее есть, отмечает автор, множество других – не менее интересных и значительных в контексте определенных культурных потребностей или же поставленных задач. Так, сам П. С. Гуревич как российский культуролог и философ-антрополог следующим образом истолковывает этот миф: «Какой смысл можно извлечь из этого мифа? Как и всякое произведение этого рода, сказание несет в себе неисчерпаемое содержание. В русле нашей темы приходится подчеркнуть, что люди издавна ощущали интуитивно, что культура родилась в результате какого-то дара небес. Природные создания обрели совсем другую жизнь. Она не могла родиться из чисто природных предпосылок. Произошел какой-то поворот в существовании людей.

Еще один штрих, выраженный в мифе. Культура вовсе не безоблачное приобретение человека. Ее рождение несет в себе и некое возмездие, расплату за приобретение. Миф также подчеркивает, что развертывание культуры сопряжено с известным драматизмом. Культура сулит людям не только добро, но и определенное воздаяние» [2, с. 15].

Интерпретации имеющего быть место значимого факта античной культуры есть и не могут не быть. И сам этот факт, как феномен античной культуры в рамках «овладения» этой культурой, каждый раз подлежит индивидуальному и коллективному осмыслению: интерпретируется, деинтерпретируется, переинтерпретируется и т. д. Это вполне закономерные культурные процессы, протекающие «на стыке» культур, одна из которых пытается перенять значения и смыслы другой, обнаруживая тем самым некоторую преемственность, родственность, единодушие. Здесь все именно так и обстоит: понимание культур возможно... если руководствоваться другой концепцией: например, культурологическая концепция А. Тойнби позволяет нам это делать. (И то «с оговоркой», что речь идет о «внешнем содержании культуры» – о ее форме [3]).

Если же речь идет о внутреннем содержании культуры – ее смыслах и значениях, то даже «родственные» культуры (А. Тойнби), по О. Шпенглеру, не могут аутентично воспринять содержание друг друга. Но вернемся к нашему примеру.

Далее П. С. Гуревич отмечает следующее: «Прометей достиг свободы – с помощью человека и примирения с Зевсом. Прометей не поступился своей гордостью и своими целями, хотя ради этого ему пришлось перенести столько страданий.

И в довершение победы Зевс призвал его в сонм богов на Олимпе.

Однако Зевс ведь поклялся, что Прометей будет навеки прикован к скале. Чтобы эта клятва не была нарушена, Прометею пришлось носить кольцо из своих оков, в которое был вправлен камешек из кавказской скалы. Затем в честь Прометея перстни с камнем стали носить люди и носят их до сих пор, хотя происхождение этого обычая давно уже забыто» [4, с. 14].

Подлежащие осмыслению и «овладению» смыслы рассматриваемого феномена античной культуры, мифа о Прометее, находятся не в самом тексте мифа, который свободно и высококонтекстно интерпретируется, а как раз-таки в этом факте ношения колец как благодарности Прометею за рождение в качестве свободного человека, в

этом осуществлении веры античного человека в себя и свой мир – полис, мыслимый как свободный союз свободных взаимозависимых граждан. Только так и осуществляет себя античный грек. Именно это и составляет «внутренний пласт» культуры, который, по О. Шпенглеру, не передается. В этом смысле всякая культура принципиально герметична. Также, как забыто происхождение обычая ношения кольца древним греком, также для мировой истории становятся забытыми и ушедшими в небытие неповторимые смыслы угасших культурных миров («омертвевших культур», которые остаются чуждыми для здравствующих культур). Таков закон жизни: рождение заканчивается смертью. Есть конец и у всякой культуры. (Этот печальный факт жизни плохо согласуется с верой западного человека в бесконечность и бессмертие, с желанием жить вечно, с христианской идеей воскресения.)

В «Закате Европы» автор называет восемь «великих» культур (критерий выделения – степень реализованных возможностей): античная, индийская, египетская, вавилонская, китайская, мексиканская, арабская, западная.

О. Шпенглер сравнивает культуру с человеком, имеющим тело и душу. Таким образом, у каждой культуры есть своя душа – некая особая идея или миссия упорядочивания мира. Идея и есть душа культуры. Выражение души в культуре (тело культуры) многообразно (особенности политики, экономики, религии, философии, техники, науки, музыки, пластики, хозяйства...); за многообразием вещественных, материальных проявлений угадывается одна идея.

Идея находит свое выражение в прасимволе, который всегда носит пространственно-чувственный характер, представляя собой способ проявления культуры в пространственной протяженности.

Для примера возьмем три «великих» культуры (две ушедшие в небытие и одну угасающую).

– Так, прасимволом египетской культуры является дорога. Жизнь египтянина представляется полной решимости поступью странника, движущегося раз и навсегда в заданном направлении. Это выражено во всем: в торжественных рядах статуй, длинных лентах рисунков, на которых изображены движущиеся и смотрящие в одном направлении фигуры...

Дорога – это и символ времени. Главное время – прошлое: в «добротном» прошлом – прочность будущего, о котором ежечасно надо заботиться. Все это выражено и в долговечности пирамид, и в бережном отношении к документам, и в аккуратном ведении хозяйственных дел и политики.

– Прасимвол античной культуры (культуры с аполлоновской душой) – ограниченное материальное тело, которое реально, то есть осязаемо, существует, (используя терминологию современной психологии) здесь и теперь. Незаполненное – пустое пространство пугает грека: «чистое» пространство – символ небытия.

Грек не любит плавать, теряя из вида берег (Геркулесовы столбы очерчивают пространство грека); далекие пространства его не влекут; грек не строит ни дорог, ни аллей. Соответственно, строения Древней Греции не величественны, по человеческим меркам – обозримы, сравнимы с телом человека. Греция изобретает статую как предмет искусства. Государства-полисы крохотны, обозримы (по Платону, наилучший размер государства – тот, которым можно охватить его территорию, глядя с вершины холма).

Отношение ко времени: даль времен – прошлое и будущее – не привлекает грека; главным становится сиюминутное настоящее, ближайшее, но не далекое будущее. Греция славится культом фаллоса, являющегося знаком сиюминутного наслаждения.

Интереса к прошлому нет (в отличие от египтян, греки сжигают тела умерших); греки не вели точного отсчета времени (хотя были изобретены водяные часы, которыми не пользовались); не заботились о сохранении документов; не писали ни мемуаров, ни летописей.

– Западная культура (культура с фаустовской душой) – прасимволом этой культуры является бесконечность, выраженная в «чистом» (ничем не наполненном) безграничном пространстве. Душа фаустовского человека постоянно устремлена вдаль, для овладения (контроля) которой необходимы воля, свобода, непрерывный выход за пределы постоянно ускользающего горизонта. Всевозможные границы стесняют человека с западной душой – он постоянно устремлен вперед, к новым подвигам и достижениям: жажда путешествий, новых открытий, новых впечатлений, новых сфер приложения сил – все это движет им, непрестанно направляя вперед, находя выражение как в изобретениях по покорению пространства (телескоп, микроскоп, пароход, автомобиль, готический собор...), так и в выдающихся теоретических концепциях (философия Декарта, Канта, Гегеля, классическая механика Ньютона...).

Западный человек не заморожен бесконечностью времени, отнюдь, он пытается познать и поставить под контроль все его «бесконечные» измерения – будущее и прошлое: европейцы придумали механические часы для тщательного контроля или измерения времени, появилась футурология; прошлое же изучается и «коллекционируется».

В прасимволах, таким образом, выражена уникальная «герметичная» душа культуры, «подлинно» понять или почувствовать которую можно исключительно «изнутри», являясь представителем данной культуры; остальное – лишь попытка приоткрыть завесу тайны, попытка описания бытия человека посредством культуры. (О. Шпенглера неоднократно обвиняли в том, что он «возвеличил» «фаустовскую культуру», поскольку большое внимание в «Закате Европы» именно ей; однако это, на наш взгляд, не совсем правильно: как представитель данной культуры, понимающий ее логику и душу, О. Шпенглер подробно фиксировал все существенные ее проявления, что не представляется абсолютно возможным в отношении других культурных миров. Также его обвиняли в своеобразно выраженном «европоцентризме», поскольку именно западная культура дает в лице концепции О. Шпенглера метод описания всемирной истории, но здесь можно возразить следующим образом: западная культура таким образом раскрыла заложенный в ней особый или исключительный потенциал, что, однако, не выделяет (возвеличивает) ее из ряда других стоящих рядом культур, поскольку последние реализовали иные «выдающиеся потенциалы»: «только «фаустовской» культуре дано выработать внутри себя способ проникновения во внутреннюю жизнь других культур: интуитивный, вживающийся, физиогномический, видящий в основе всех культурных форм создающий и осмысляющий их прасимвол» [5]).

Освальд Шпенглер своей концепцией, изложенной в фундаментальной работе «Закат Европы», по существу, произвел коперниканский переворот в культурологии, сделав культуры поистине «равноправными». До сих пор преобладал идущий из Средневековья, из христианства (с его открытием временного вектора человеческой истории: от изгнания человека из Рая до второго пришествия Иисуса Христа), линейный взгляд на историю человеческого развития, где «по линейке» прогресса, степени развитости и совершенства, с точки зрения западной культуры, выстраивались и оценивались все когда-либо существовавшие культуры, общества, цивилизации. Естественным следствием чего было существование отставших и «передовых» (эталонных) культур. Вот, например, на заре «столкновения цивилизаций», когда европейские путешественники только открывали для себя иные культурные миры, пристальное

изучение, например, культуры индейцев, базирующееся на «оголтелом» европоцентризме, позволило поставить следующий культурный диагноз: эта культура порочна («...они избегают испанцев, отказываются работать без вознаграждения, а их извращенность доходит до того, что они дарят свое добро, не отвергают своих товарищей, которым испанцы отрезали уши... Для индейцев будет лучше стать людьми в рабстве, нежели оставаться животными на свободе... Они едят человеческое мясо, у них нет правосудия, они ходят нагишом, едят сырыми блох, пауков и червей... У них отсутствует борода, а если она случайно вырастет, они спешат ее выщипать... индейцы ловили белых и умерщвляли их, погружая в воду, а затем неделями стерегли утопленников, чтобы узнать, подвержены ли они тлению...» [6, с. 29–30]).

Нет необходимости говорить, что этот эгоцентричный взгляд (европоцентризм) на уровне обыденного сознания человека «западного мира» встречается и сегодня. Нанося урон взаимопониманию, взаимодействию, взаимопроникновению культурных миров, европоцентричное «герметичное сознание» самовоспроизводится уже спустя век после выхода книги «Закат Европы».

Изменение стереотипов восприятия иной культуры требует и особых интеллектуальных навыков (в том числе специально формируемых в рамках общеобразовательного предмета «Культурология», преподаваемого в современной высшей школе), и особых «волевых» усилий со стороны каждого индивидуального сознания.

Тем не менее «следы» концепции О. Шпенглера видны и на уровне бытового языка. В глубоких, проникновенных статьях о значении и миссии идей О. Шпенглера Ольга Балла отмечает: «он уже на речевом уровне – то есть и для тех, кто его труда не осилил и не осилит никогда! – создал в европейской культуре новые смысловые ячейки и возможности. Подобными словами («закат Европы», «после заката Европы», «фаустовская культура»... – Л. В. Пятилетова) злоупотребляют, их первоначальная острота и свежесть неизбежно стираются, но в этом нет ничего дурного. Так они входят в состав очевидностей культуры, образуют ее естественную форму...» [7].

Освальд Шпенглер в своей культурологической концепции выдвигает идею нелинейного характера исторического развития как антитезу линейному характеру развития истории. Это важная веха на пути изменения взгляда на значение и роль разнообразных культурных миров: культуры получили «право голоса», возможность быть услышанными и аутентично понятыми. Концепция нелинейного характера развития культур О. Шпенглера позволила им по-настоящему быть.

Однако концепция уровня Коперника, надо признать, не имела «массового отклика», в отличие, например, от концепций или идеологий К. Маркса и З. Фрейда. Одной из главных причин отсутствия социального резонанса культурологической концепции О. Шпенглера, по мнению исследователя О. Балла, является невыносимая для сознания западного человека идея о конечном характере исторического развития и, соответственно, о неизбежной гибели любой культуры, а, следовательно, идея об ограниченных возможностях человека, о том, что есть вещи, которые происходят бесконтрольно – вне зависимости от воли и усилий человека. «Европейское культурное сознание вытеснило Шпенглера и, в полном соответствии с правилами подобных вытеснений, как следует, оправдало это действие. И в полном же соответствии с этими правилами, вытесненное осталось в культуре и работает в ней, только не будучи признанным. Тем сильнее» [8]. (Нечто подобное произошло с идеей судьбы в сознании европейского человека, когда «вытесненная» бесконтрольность судьбы соседствует с идеей абсолютного контроля над ее реальностью [9]).

Своеобразным «преодолением» конечности истории и (тем самым) известное «забвение» концепции О. Шпенглера, выраженное в перенесении акцента с симптоматики «завершения культуры» на преодоление «кризиса», является культурологическая концепция А. Тойнби, которая немедленно была принята и одобрена публикой: «Арнольд Тойнби – первый, кто еще при жизни Шпенглера поставил разработку его идей о множественности культурных миров и их внутреннем структурном единстве на строго научную основу, немедленно дополнил представление о несомненном «кризисе» «цивилизации западного христианства» мыслью о том, что печального ее конца можно избежать: например, «единением в духе» посредством приобщения к экуменической религии» [10].

Еще одной получившей на Западе не меньший, а, возможно, больший резонанс, тем самым, более загнанной «в подполье» коллективного бессознательного, а потому ожидающей «нового» переоткрытия является идея о культуре как живом организме, который, подобно любому биологическому организму, рождается, расцветает, взрослеет, стареет и, наконец, умирает. Увиденное структурное единство всех изученных культур позволило О. Шпенглеру прийти к такому выводу и обосновать его в «Закате Европы» в качестве закономерности культурного развития: все культуры поэтапно последовательно проходят стадии рождения, зрелости, старения и умирания. При это стадии рождения и зрелости относятся к этапу собственно культуры, демонстрируя особое качество развития; стадии старения и умирания – к этапу цивилизации, качественная специфика которой иная.

Временные рамки существования «великих» культур насчитывают примерно тысячу лет. За этот период культура имеет возможность реализовать весь заложенный в ней потенциал (этап собственно культурного развития) и одновременно «изжить» его на этапе цивилизационного витка, который по длительности значительно превышает предыдущий этап: «Культура рождается в тот миг, когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, верований, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевленную стихию... Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей, завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией» [11].

На примере западной культуры О. Шпенглер показывает антагонизм культуры («живого тела душевности» [12]) и цивилизации («ее мумии» [13]), что находит свое выражение в следующих существенных различиях [14, с. 403] (табл. 1).

Таким образом, в характеристиках цивилизации просматривается симптоматика «заката Европы» – явные признаки упадка и вырождения западной цивилизации. Именно такую оценку получила концепция О. Шпенглера в Европе и России. При этом, в частности, русская критика при всей разности оценкой относительно идей «Заката Европы» в диагностике вымирания западной культуре была единодушна: «Конечно, самое уловление момента умирания западной культуры в явлениях «цивилизации» XIX века должно быть признано бесспорным. Эта идея Шпенглера, неслыханная по новизне и смелости в западной мысли, нас, русских, не поражает своей новизной: человек западной культуры впервые осознал то, что давно уже ощущали, видели и го-

ворили великие русские мыслители-славянофилы. От этих страниц Шпенглера, проникнутых страстною любовью к истинной духовной культуре Европы, которая вся в прошлом, и ненавистью к ее омертвлению и разложению в лице ее современной мещанской «цивилизации», веет давно знакомыми, родными нам мыслями Киреевского, Достоевского, Константина Леонтьева» [15]; «Шпенглер помогает нам нащупать точный диагноз духовной болезни современной европейской культуры: безрелигиозный скептический самоутвержденный рационализм. И в этом раскрытии его величайшая художественно-философская заслуга» [16]; «Оскудение религиозного чувства, распад монументальных форм искусства во всяческого рода импрессионизме и эстетизме, утрата органического чувства бытия, бесконечный проблематизм жизни, подмененной россыпью мертвых переживаний, обезличенье человека механизмом, превращение его души в накипь его профессий, смерть нации в космополитизме, – вот задолго до Шпенглера указанные черты перерождения культуры в цивилизации» [17]; «Различие культуры и цивилизации чрезвычайно плодотворно. У Шпенглера есть очень острое чувство неотвратимого процесса победы цивилизации над культурой. Закат Западной Европы для него есть прежде всего закат старой Европейской культуры, истощение в ней творческих сил, конец искусства, философии, религии... Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией. Все русские религиозные мыслители утверждали это различие. Все они ощущали некий священный ужас от гибели культуры и надвигающегося торжества цивилизации... Не только русские замечательные люди, но и наиболее чуткие и тонкие западные люди с тоской ощущали, что великая и священная культура Запада погибает, умирает, что ей на смену идут чуждая им цивилизация, мировой город, безрелигиозный и интернациональный, что идет новый человек... одержимый волей к мировому могуществу и овладению всей землей. В этом победном шествии цивилизации умирает душа Европы, душа европейской культуры» [18].

Шлейф этой однозначной оценки: «Закат Европы» – книга-катастрофа, присутствует и сегодня (особенно это заметно в учебной литературе по культурологии, поскольку данный жанр предполагает большую прямолинейность и утрированность трактовок и оценок).

Взволнованный данной современниками оценкой собственной концепции как пессимистической О. Шпенглер пишет «ответ критикам», разбивая автоматизм стереотипного восприятия концепции: «Нет, я не пессимист. Быть пессимистом значит: не видеть впереди никаких задач. Я же вижу так много задач еще не решенных, что боюсь, что у нас не хватит на них времени и людей. Наука права находится еще в зачаточном состоянии. До сих пор она была почти только филологией. Политическая экономия вообще еще не стала наукой. История еще только открывает свои важнейшие для нашей жизни объекты...» [19].

Таким образом, Освальд Шпенглер, выявляя симптоматику гибели культуры, «смягчает» фатальность событий: диагностируя «смерть» культуры, на самом деле он говорит о закономерном переходе культуры в другой жизненный этап существования, который может быть столь же органичным и плодотворным, как и предыдущий. Выявление симптоматики необходимо для того, чтобы не тратить силы для решения неподъемных вопросов культуры, поскольку жизненные ресурсы исчерпаны: так, молодость не может решить вопросы, требующие мудрости, а старость – вопросы, требующие мощного броска физических сил и «сгущенных» мечтаний.

Если заменить катастрофическое видение на органическое, то цивилизация – закономерный этап развития культуры со множеством нерешенных, очень важных, требующих концентрации всей нации задач. Эти задачи-проекты должны быть аутентичны этому новому состоянию культуры – этапу цивилизации (так, например, вряд ли мы будем писать лучше Гете: «для романа нужны личности, выдающиеся по энергии и широте кругозора, выросшие среди крупных дел, люди с возвышенным взглядом на вещи и с большим тактом... сейчас люди практического дела – промышленники, высшие офицеры, организаторы – пишут лучше, основательнее, яснее и глубже, чем все эти литераторы десятого ранга, которые из стиля сделали спорт...» [20]). В этом, по меткому замечанию Н. Бердяева, и состоит оригинальность О. Шпенглера, что «он не хочет быть романтиком, не хочет тосковать по умирающей великой культуре прошлого. Он хочет жить настоящим, хочет принять пафос цивилизации. Он хочет быть гражданином мирового города цивилизации...» [21].

Таблица 1

Различие антагонизма культуры и цивилизации

	<i>Культура</i>	<i>Цивилизация</i>
1	Интенсивный характер развития.	Экстенсивный характер развития.
2	Энергия обращена вовнутрь, на развитие духа	Энергия обращена вовне, на покорение окружающей среды
3	Привязана к земле, к природе	Царство цивилизации – город, скопление инженерных ландшафтов
4	Выражает душу «сросшегося с землей народа»	Отражает образ жизни городского населения, оторванного от земли, изнеженного комфортом, ставшего скопищем рабов созданной им бездушной техники
5	Связана с культом, мифом, религией	Атеистична
6	Черпает силы внутри себя, не поглощая иные проявления культуры	Идея экспансии и гигантизма (гигантские империи, города, промышленные предприятия, корпорации, межнациональные корпорации), распространяемая на все человечество
7	Национальное своеобразие	Интернациональна (глобализация; все человечество – единая «раса», например, потребителей)
8	Расцвет искусство (ключевой жанр – трагедия)	Вырождение искусства в массовое зрелище, в арену сенсаций и скандалов («Хлеба и зрелищ!»)
9	Элитарна и аристократична	Демократична
10	Расцвет философии	На место философии приходит идеология
11	Развитие фундаментальной науки	Наука – служанка техники, экономики, политики
12	Возвышает: преобладание духовных интересов (саморазвитие, самосовершенствование, поиск истины)	Тянет «вниз»: интересы сосредоточены вокруг проблем власти, денег, насилия, секса, удовлетворения материально-телесных благ
13	Личностный рост (усложнение внутренней жизни)	Формируется легко управляемый («одномерный» (Г. Маркузе)) человек

Подобно тому, как отдельный человек вступая в период старости, принимает ее ограничения, и западная культура в целом может научиться принимать свой пожилой возраст – возраст цивилизации, возможно, прислушавшись к советам прогрессивно развивающейся на этапе цивилизации психологии: осознание возрастных ограничений и потенциалов дает шанс на разумное, грамотное проживание жизни, что может сделать жизнь человека более счастливой – «...исследования уничтожают миф о том,

что пожилой возраст (начинающийся в 60–65 лет) обычно ассоциируется с неудовлетворенностью и дряхлостью... в действительности пожилые респонденты оказались счастливее молодых респондентов... Опросы населения показывают, что самая счастливая группа людей... это мужчины в возрасте 65 и старше. Счастье увеличивалось у тех, кому далеко за 60 или около 70... Вероятность «счастливости» увеличивалась на 5% с каждым десятилетием...» [22, с. 129–130]. «Рецептура счастливой старости опирается на более мудрое отношение к жизни: принятие своих ограничений, снижение ожиданий, переориентация на восприятие позитивной, а не негативной информации [23, с. 130].

Ссылки на источники

1. Гуревич П. С. Культурология. – М., 1996. – 228 с.
2. Там же.
3. Пятилетова Л. В., Зорихина Е. М. Культурологическая концепция А. Тойнби: новые грани прочтения // Концепт. – 2013. – № 12 (декабрь). – ART 13258. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13258.htm>.
4. Гуревич П. С. Указ. соч.
5. Балла О. Историческая судьба «Заката Европы» Освальда Шпенглера. – URL: <http://oso.rcsz.ru/inf/pp/371>.
6. Леви-Строс К. Печальные тропики. – М., 1984. – 220 с.
7. Балла О. Указ. соч.
8. Там же.
9. Пятилетова Л. В., Панагушина Ю. С. Человек и судьба в зеркале античной культуры // Концепт. – 2013. – № 09 (сентябрь). – ART 13178. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13178.htm>.
10. Балла О. Указ. соч.
11. Шпенглер О. Закат Европы. – URL: <http://libes.ru/141740.read>.
12. Там же.
13. Там же.
14. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб., 1997. – 512 с.
15. Франк С. Л. Кризис Западной культуры. – URL: http://www.odinblago.ru/frank_krizis_zapad.
16. Букшпан Я. М. Непреодоленный рационализм. – URL: http://www.tinlib.ru/filosofija/osvald_shpengler_i_zakat_evropy/p5.php.
17. Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и Закат Европы. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/osvsp_zakevr/01.php.
18. Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста. – URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1923_059.htm.
19. Шпенглер О. Пессимизм ли? (Ответ моим критикам). – URL: <http://www.litmir.net/br/?b=103443>.
20. Там же.
21. Бердяев Н. Указ. соч.
22. 50 великих мифов популярной психологии // Скотт О. Лилиенфельд, Стивен Дж. Линн, Джон Руссио, Барри Л. Бейерстайн. – М., 2013. – 512 с.
23. Там же.

Lyudmila Pyatiletova,

candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the chair of philosophy and history, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
lyuda.p73@yandex.ru

Viktoriya Savina,

1st year student at the department of Economics and Management, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

The age of civilization: overestimation of Oswald Spengler's culturological theory

Abstract. The authors reveal the key points of the cultural theory of O. Spengler: the decline of the West. The authors describe the ideas of the theory in the Russian and European cultures.

Key words: civilization, culture, soul, Spengler, the decline of the West.

References: 1–23 – Russian Sources.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

9 772304 112014 2